

Александр Чечитов

Горький час

Александр Александрович Чечитов

Горький час

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26119502

Аннотация

В самое пекло войны попадает молодой парень Федя. Он, как и весь советский народ желает победы над немцами, но многим придется за нее расплатиться своей жизнью.

Снежная, декабрьская крупа небрежно рассыпалась по широким степям. Заботливо перемежёванные, черноземные поля укрытые белым ковром отдыхали. Еще не так давно бурлила жизнь на этих просторах, окроплённых терпким трудовым потом, в пору летней страды.

Опираясь на ледяные стенки вагона, едва выглядывая из-за борта Федя, одетый в легкую солдатскую шинель высматривал знакомые черты родных мест, выдыхая горячий пар.

Забитый под завязку, вагон без крыши с пленными солдатами размеренным шагом двигался на запад. В тыл ненавистного врага.

Лица приобрели сероватый оттенок, почти ни сколько не выражая чувств. Доведенные до исступления люди молчали, постукивая зубами от холода.

Второй день пути собирал свою жестокую жатву. Из девяносто мужчин закрытых в железном коробе двадцать лежали, примерзнув к стальному полу представляя собой истощенные, синеватые полу скелеты. Оставив свои печали и заботы навсегда суровой зиме. Остальные же из последних сил старались держаться. Мертвые чуть только испускали последний вздох, а бывало и того раньше, раздевались более выносливыми товарищами. В условиях, где моральные

принципы то и дело давали трещину, многие переступали через соседа, уже не опасаясь последствий.

Федор вглядывался, окружающее мало заботило. Ободряло лишь то, что отец стоял рядом. Нет, гораздо лучше было, если папа был дома в тепле с мамой. Но семейного гнезда не стало еще в начале войны, когда взбудораженные победами немцы жгли и топтали советскую землю. Судьба матушки осталась, загадкой до сих пор Федя не имел представления, где она и что произошло.

Ах, мама мамочка! Мягкие руки ее прижимавшие русую головушку маленького Феде, пахли когда-то парным молоком. Особенное тепло исходило от нежной улыбки, которое растекалось по телу, давая необыкновенное чувство спокойствия. Она всегда могла найти правильное доброе слово для единственного обожаемого сына, несмотря на бесчисленные проказы озорника.

Лишь раз Федя видел глаза матери остекленевшие от страха. Родители ремонтировали сарай, давая гулять сынишке по двору, залитому светом полуденного солнца. Ему исполнилось четыре года когда, распахнув настежь внушительных размеров калитку, побежал от дома к деревенскому пруду. Наскоро сбросив обувь, не снимая одежд, прыгнул в воду.

Прошло шестнадцать лет, которые не изгладили из памяти перекошенных страхом лиц родителей. Тогда чуть не утонув, запутавшись в рыбацкой сети, Федя даже не осознал до конца что произошло. Лежа на песочном берегу, невинно моргал ресничками на своих спасителей. Лишь некрасивый шрам на правом локте в форме изогнутой елочки от рыболовецкого крючка, разорвавшего детскую ручонку, напоминал, что приключилось все на самом деле. Позже этот случай частенько становился предметом шуток, когда они втроем собирались за общим столом по вечерам, попивая сладкий чай с абрикосовым вареньем.

Да. Славные деньки проходили, как же мы не разглядели своего счастья?— размышлял Федя.

А между тем на смену спокойным мирным будням, пришли бессонные ночи.

Когда по радио объявили о нападении Германии на Советский Союз, стало как то не по себе. Война, развязанная на западе, не воспринималась как угроза, пока велась далеко. Конечно, сообщения непрестанно приходили, давая пищу для пересудов деревенским, теперь же с полной силой стучала она и в наши двери.

Первым на фронт ушел отец без долгих бесед, словно вы-

полняя обычное дело, после смены зашел в дом, позвал сына с женой. Мама огорчилась, что говорить само собой заплакала. Времени как, оказалось, было совсем немного, простились. Федя проводил до сельского клуба. Оттуда было положено на ветхом, зеленом грузовике группой выдвигаться до распределительного пункта.

Остались вдвоем. Мама иногда плакала вечерами, тревожное чувство до боли сжимало в центре груди Феде. От бессилия, что-то изменить, тяжелых дум жалости к родителям и себе – сжимались кулаки.

Спустя год пришла повестка и за ним. К этому Федя уже был готов. Матери, наверное, вечности не хватило бы это принять, но шла война. Всякая семья в большой необъятной стране чувствовала дыхание беды. Многие деревни и города сгнули с лица земли, навсегда вместе со своими жителями под сапогами немцев, вызвав священный гнев живых.

Насмотреться пыталась мама на Федю, пока ел горячий борщ, что удавался ей, по словам сына лучше всего.

Мамуля ты не волнуйся, – улыбнулся Федя. Вмиг обернемся с батюшкой. Думаю, немчуре недолго осталось гостить у нас, пора им билет домой выписать.

Береги себя там сынок! – ее взгляд увлажнился. Горячее слезы, поднимаясь от самого сердца, брызнув, побежали по родным щекам.

После короткой подготовки в соседней части, Федя был отправлен на подступающий фронт.

Рыхлая, раскаленная почва пропахла порохом. Дождь железных снарядов обильно орошал землю. Первая битва предстала совсем в другом обликии, чем вообразил Федя.

Батальон, в котором он состоял, на передовой разбили вдребезги как хрустальную вазу, разбросав осколки людей по окопам. В считанные часы отступление стало невозможным, из-за непрерывной стрельбы по флангам.

Когда рота в сгущавшихся сумерках, бежала вперед, тут и там замелькали яркие огни, изрыгаемые горячими орудиями, поднимая сотни килограмм грунта в воздух.

Перепрыгивая широкую траншею, Федя поскользнулся, приземлившись на дно, где скопилась дождевая вода. Не прошло и минуты как один за другим падали сюда и остальные, образуя груды тлеющих тел. Стонущие, изувеченные, они пытались ухватиться за тонкую нить жизни, удерживающую их в этом мире. Барахтаясь в гнилостной жиже из кро-

ви и остатков плоти.

Лихорадочно прижимая дрожащими руками, холодный автомат к животу Федя полусидя, оперся на земляной выступ, грудь с шумом выдавливая воздух, стучало в висках. Каска съехала набок, открывая расшибленный лоб, форма же вымазанная грязью намкнув, отдавала сыростью. Гул орудий не прекращался. Юная душа содрогнулась, пребывая в тревожном забытьи.

Очнулся Федя, прижатый обмякшим телом к земле. Солдат подброшенный взрывом вверх упал на него. С трудом выбравшись, он услышал угасающий голос.

Нелегко пришлось браток?

Федя не нашел что ответить умирающему. В темноте непосильно было разглядеть черт лица, только при отдаленных вспышках заметны стали черные струйки, стекающие от волос к шее.

Все заклокотало внутри, перехватывая дыхание.

Выкарабкавшись из траншеи, Федя стремительно направился вперед, украшая свинцом тела неприятеля. Пока вражеский пулемет не сбил с ног.

На рассвете в числе других истрепанных, избитых, как и он, зашагал под дулами автоматов к немецкому лагерю, в котором впоследствии провел три месяца. Раны плеча и руки немного беспокоили, покалывая изнутри.

Начало зимы показалось удачной порой германскому начальству, чтобы доставлять пленных к западной границе СССР. Перевозками без еды и воды в открытых вагонах можно было сэкономить на патронах. Тысячи людей так и не добравшись до конечного пункта обыкновенно замерзали.

Рано утром Федя уже стоял в вагоне отправляющегося состава. Сонные товарищи переминались с ноги на ногу, некоторые вначале даже посмеивались, обнажая редкие, желтоватые зубы.

Среди беспокойной сутолоки он не сразу заметил отца, весьма постаревшего всего за год. Встретив его взгляд, Федя вздрогнул. Обнявшись, они принялись вспоминать былые времена.

Что с мамой?

Федя скорбно мотнул головой в ответ на первый вопрос.

Ехали, мучаясь голодом и жаждой, овеваемые студеным ветром. Каждый следующий час неизменно уносил жизни, расчищая пространство вокруг них.

Болезненная немощ пробиралась в тело, голова кружилась. Не в силах уже стоять, присел. Отец был рядом, когда Федя забылся сном. Ему грезились: молодые мама и папа, сидящие перед ним маленьким, их светлые добрые глаза полные заботы о нем.

Прощальный раз обняв, отец, шатаясь, стал засыпать его тряпьем уже ни кому не нужным здесь.

Поезд был отбит советскими войсками той морозной ночью. Среди тысячи трехсот искорёженных, обледенелых тел под ворохом вещей нашли единственного живого, еле дышащего Федю.